

Графъ Николай Яковлевичъ РОСТОВЦОВЪ.

(Матеріалы для характеристики его дѣятельности въ Самаркандѣ).

Ю. О. Янубовскаго.

23 іюля 1897 года, въ 40 верстахъ отъ города Самарканда, на Кара-Тюбинской санитарной станціи, отъ гангрены правой ноги скончался Самаркандскій военный губернаторъ, графъ Николай Яковлевичъ Ростовцовъ *), на 65 году жизни.

Не имѣя подъ рукой другихъ данныхъ для біографіи покойнаго графа, пользуюсь краткой выпиской изъ его послужнаго списка, помѣщеннаго въ мѣстной печати вскорѣ послѣ его смерти: «Покойный родился въ 1831 году и былъ сыномъ знаменитаго сподвижника императора Александра II по освобожденію крестьянъ, незабвеннаго Якова Ивановича Ростовцова. Воспитаніе покойный получилъ въ пажемскомъ корпусѣ, а въ службу вступилъ въ 1848 году изъ камеръ-пажей корпусомъ въ лейбъ-гвардіи кирасирскій Его Величества полкъ, съ прикомандированіемъ къ артиллерійскому училищу, въ младшемъ офицерскомъ классѣ котораго пробылъ годъ, а затѣмъ возвратился въ полкъ. Въ 1852 г. поручикъ Ростовцовъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и черезъ два года по окончаніи въ ней курса по 1-му разряду былъ причисленъ къ генеральному штабу, а затѣмъ произведенъ въ ротмистры. Прослуживъ короткое время въ должности капитана надъ вожатыми южной арміи, покойный былъ назначенъ въ штабъ главнокомандующаго этой арміей и въ мартѣ 1855 года находился уже на сѣверной сторонѣ Севастополя; въ половинѣ того-же года онъ за отличную храбрость и примѣрное мужество, оказанное при оборонѣ Севастополя, былъ награжденъ золотою полусаблею, а за бой 4 августа на Черной рѣкѣ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1856 году подполковникъ Ростовцовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и про-

*) Ростовцовъ, а не Ростовцевъ, какъ ошибочно пишутъ нѣкоторые эту фамилію.

изведенъ въ полковники, а въ 1861 году за заслуги отца по освобожденію крестьянъ возведенъ въ графское достоинство. Въ слѣдующемъ затѣмъ году графъ Николай Яковлевичъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію съ мундиромъ и находился въ отставкѣ до 1877 года. По возвращеніи изъ заграницы, гдѣ графъ Николай Яковлевичъ провелъ много лѣтъ, онъ былъ одно время предсѣдателемъ Порховской уѣздной земской управы, а затѣмъ почетнымъ мировымъ судьей, сперва Порховскаго, а затѣмъ Псковскаго округа. Въ 1877 г. графъ вновь поступилъ на военную службу съ зачисленіемъ по генеральному штабу и лѣтомъ въ томъ же году назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Константиновичѣ, а затѣмъ осенью того-же года графъ сопровождалъ Великаго Князя въ 1-й и 2-й ученыхъ поѣздкахъ Его Высочества въ киргизскія степи, съ цѣлью изученія коневыхъ средствъ Оренбургскаго края и для опредѣленія на мѣстѣ преимуществъ направленія Средне-Азіатской желѣзной дороги отъ Оренбурга и Троицка къ Ташкенту, предложеннаго кампаніей инженеровъ путей сообщенія. Въ 1878 и 1879 годахъ были совершены Великимъ Княземъ 3-я и 4-я ученые поѣздки. Въ первыя три поѣздки была основательно изучена киргизская степь, а въ четвертую Великій Князь посѣтилъ Бухарское ханство и верховья Аму-Дарьи, спустился отсюда на каюкахъ въ низовья этой рѣки; былъ въ Хивинскомъ ханствѣ и изъ дельты Аму черезъ Кызыль-Кумы вернулся въ Казалинскъ и далѣе въ Оренбургъ и Самару. Сопровождая Его Императорское Высочество графъ, Н. Я., помимо прямыхъ своихъ обязанностей, производилъ маршрутные съемки, отмѣчалъ геологическія особенности и пр. Въ 1880 г. графъ Николай Яковлевичъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и продолжалъ службу уже въ войскахъ, сперва начальникомъ штаба 8-го армейскаго корпуса, а затѣмъ начальникомъ 4-й стрѣлковой бригады до 1891 года, когда онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Самаркандской области и командующимъ войсками въ ней. Въ послѣднихъ должностяхъ графъ пробылъ шесть лѣтъ, посвятивъ все свои силы, обширныя познанія и разностороннюю опытность на заботы о процвѣтаніи ввѣренныхъ ему войскъ и области. Въ 1893 г. главный начальникъ Туркестанскаго края выразилъ графу Н. Я. Ростовцову «полную признательность за особую заботливость о преуспѣяніи во всѣхъ отношеніяхъ Самаркандской области», а въ 1896 году отдалъ приказъ «съ искренней благодарностью за трудъ его сіятельства по званію предсѣдателя Самаркандскаго областного статистическаго комитета». Во время двукратнаго отсутствія (въ 1895 г. и 1896 годахъ) барона А. Б. Вревскаго изъ края, графъ Н. Я. Ростовцовъ исполнялъ временно обязанности Туркестанскаго генераль-губернатора».

Въ свое время мѣстная и столичная печать отмѣтила, какую грустную и чувствительную потерю понесло общество въ лицѣ этого гуманнѣйшаго человѣка, выдающагося въ край дѣятеля. Смерть и похороны Н. Я. Ростовцова особенно краснорѣчиво говорятъ о -высокихъ душевныхъ качествахъ этого красавца старика генерала, съ большой сѣдою бородой, закрывавшей всю могучую грудь, котораго въ теченіе семи лѣтъ привыкъ встрѣчать Самаркандъ съ улыбкой восторга и на улицахъ города и на всевозможныхъ торжествахъ.

Просматривая настоящую работу, я прочелъ нѣсколько статей о знаменитомъ отцѣ графа Николая Яковлевича — Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ, написанныхъ по поводу памятнаго для всѣхъ насъ дня освобожденія многомилліонной Россіи отъ крѣпостнаго рабства. Подробности о послѣднихъ дняхъ жизни этого великаго въ исторіи русскаго народа дѣятеля невольно вызвали у меня сравненіе отца съ сыномъ. Какъ много у нихъ благородныхъ общихъ чертъ, энергіи, настойчивости, душевной красоты и удивительной преданности дѣлу. А всего больше поражаютъ подробности прекрасной истинно христіанской смерти отца и сына. Сынъ умеръ 37 лѣтъ послѣ смерти отца и смерть его была такой-же геройской, какъ и отца*).

Графъ Н. Я. въ послѣдній годъ своей жизни особенно страдалъ астмой и лихорадкой. Отъ послѣдней онъ могъ-бы легко избавиться, стоило только переменить мѣсто жительства, уѣхать хотя на время въ Европейскую Россію, о чемъ его такъ убѣдительно просила семья и врачи. Какъ убѣжденный гомеопатъ и старый послѣдователь этого ученія, онъ отказывался отъ аллопатическихъ дозъ хины и остался вѣренъ гомеопатіи до послѣднихъ минутъ жизни. Онъ страстно, при верженно, до самозабытія отдавался своему дѣлу, до послѣднихъ минутъ жизни, не соглашаясь покинуть свой постъ. Послѣдняя бумага была подписана наканунѣ смерти. Сознаніе и заботы о вѣренномъ ему дѣлѣ не покидали его до послѣдней минуты. Въ музеѣ хранятся нѣсколько предметовъ, пожертвованныхъ имъ за два дня до смерти. Кончина его была по истинѣ христіанская, смерть его, какъ война, подкосила на ногахъ. Онъ умеръ въ одиночествѣ, на рукахъ своего вѣстового,

*) Предсмертная болѣзнь Ростовцова — отца (желчная лихорадка) была вызвана чрезмернымъ увлеченіемъ благородною миссіею, вышавшею на его долю. Сдѣлавшись мишенью самыхъ злостныхъ и наглыхъ нападокъ со стороны крѣпостниковъ, Ростовцовъ — натура воспріимчивая и пылкая — не вынесъ этихъ безчисленныхъ уколовъ и клеветъ себялюбивой знати. — Какъ-бы предвидя неизбежность самопожертвованія, этотъ, въ общемъ далеко не геройскаго закала, человѣкъ такъ проникся величіемъ и трудностями своей задачи, что говаривалъ не разъ: „Я иду не крестную смерть“, „я готовъ сложить голову на плахѣ“ и т. п. (см. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣп. права. Берлинъ 1860, т. I, 380 и II, 256. а также рѣчь П. П. Семенова въ „Русской Старинѣ“, 1892, № 3).

отказывался даже отъ услугъ жены, посылая ее туда, гдѣ она могла быть нужна и полезна другимъ.

Въ началѣ іюля 1897 года графа совсѣмъ больного перевезли на военно-санитарную станцію Кара-Тюбе, созданную его личными стараніями. Съ каждымъ днемъ состояніе его здоровья все ухудшалось. Возобновилась старая рана на ногѣ; графъ самъ себѣ дѣлалъ перевязки. Наконецъ, въ больной ногѣ объявилась гангрена и увлекла его въ могилу. По роковой случайности, какъ я уже вспоминалъ, онъ тихо скончался въ полномъ одиночествѣ, на рукахъ вѣстового. Жена его Татьяна Валентиновна, по его же настояніямъ уѣхавшая утромъ 22-го іюля, для устройства народнаго гулянья въ Самаркандѣ, уже на второй день, 23-го, не застала его въ живыхъ.

Провожать своего любимаго губернатора собрался буквально весь русскій городъ. Такихъ торжественныхъ похоронъ, такого искренняго неподдѣльнаго чувства скорби Самаркандъ не проявлялъ въ періодъ своего тридцатилѣтняго существованія. Многотысячная толпа русскихъ, сартовъ, армянъ, русскихъ и бухарскихъ евреевъ, съ искренними неподдѣльными слезами проводили своего обожаемаго начальника до мѣста вѣчнаго упокоенія. Никто изъ насъ, провожавшихъ всѣмъ намъ дорогого и близкаго человѣка, ни на минуту не усумнился, что не праздное любопытство, не восточная страсть къ «тамашѣ» собрала это море пестрой, многоязычной толпы, разноцвѣтныхъ чалмъ и тюбетеекъ, а собрали эту толпу несомнѣнный почетъ, уваженіе и любовь къ гуманнѣйшему правителю, какого встрѣчала когда-нибудь здѣсь народная масса, привыкшая видѣть въ немъ рѣдкую въ наше время терпимость къ вѣрѣ и національности, рѣдкую отзывчивость къ частной и общественной нуждѣ.

Мѣсто для этой скромной могилы*) съ крестомъ, увѣнчаннымъ многочисленными вѣнками и лентами, выбрано самимъ графомъ, пожелавшимъ лечь рядомъ съ вытянувшимися подъ струнку шеренгами могилокъ туркестанскихъ солдатъ, которыхъ покойный, какъ отецъ, заботливо любилъ.

*) Когда въ іюнь мѣсяцѣ 1898 года вновь назначенный начальникъ края генералъ Духовской посѣтилъ могилу графа Н. Я. Ростовцова, желая почтить прахъ этого достойнѣйшаго изъ туркестанскихъ дѣятелей, первое что его неприятно поразило—это отсутствіе памятника на могилѣ такого достойнаго администратора, о славной дѣятельности котораго онъ былъ прекрасно освѣдомленъ. Когда главный начальникъ края освѣдомился о причинѣ такого невнимательнаго отношенія къ памяти такого выдающагося дѣятеля, столько поработавшаго для Самарканда, то оказалось, что уже около года продолжается подписка на памятникъ между сослуживцами и среди населенія и по двумъ подписаннымъ листамъ тогда было собрано около 1200 рублей. Начальникъ края повторилъ еще разъ желаніе видѣть поскорѣе памятникъ на могилѣ графа Н. Я. Ростовцова и предложилъ свое матеріальное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Второй годъ проходить и на могилѣ его нѣтъ еще достойнаго памятника. Но печальнѣе, что до сихъ поръ никто не нашелъ біографіи этого виднаго дѣятеля, достойнаго сына одного изъ выдающихся сотрудниковъ Императора Александра II по освобожденію крестьянъ въ Россіи, виднаго представителя идей 60-хъ годовъ, судьба котораго, столкнувшая его съ Герценомъ, надолго удалила за границу, устранивъ на десятки лѣтъ отъ общественной дѣятельности въ Россіи. Настоящей слабой замѣткой я хотѣлъ бы напомнить обществу объ этой выдающейся личности, послѣдніе годы которой принадлежали всецѣло Туркестанскому краю.

Графъ Н. Я. Ростовцовъ—одинъ изъ участниковъ Севастопольской кампаніи, гдѣ выказалъ себя храбрымъ офицеромъ и большимъ радѣтелемъ духовныхъ нуждъ русскаго солдата, оставаясь ему вѣрнымъ, какъ видѣлъ читатель, до конца своей жизни. Вотъ что рассказываетъ о немъ бывшій артиллерійскій офицеръ и участникъ Севастопольской обороны—графъ Л. Н. Толстой, другъ и товарищъ Н. Я. Ростовцова^{*)}: «У насъ тогда былъ задуманъ журналъ для солдатъ, выработана программа и представлена на разсмотрѣніе. Ростовцовымъ, какъ предполагавшимся редакторомъ, были приготовлены статьи для журнала. Но журналъ тогда не былъ разрѣшенъ».

Имена графовъ Николая и Михаила Яковлевичей Ростовцовыхъ читатель можетъ встрѣтить въ интересныхъ воспоминаніяхъ В. Стасова о дѣятельности сестры своей Н. Стасовой. Въ воспоминаніяхъ этихъ молодой графъ Н. Я. Ростовцовъ является какъ одинъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ Н. Стасовой по устройству первыхъ женскихъ высшихъ курсовъ.

Вообще прошлое Н. Я., о которомъ онъ самъ рѣдко любилъ распространяться и вспоминать, полно общественнаго интереса. Любовь къ литературѣ и живую участливость къ издательскому дѣлу графъ сохранилъ до конца жизни. Написалъ-ли онъ что-нибудь, мнѣ неизвѣстно, но въ Одессѣ онъ былъ редакторомъ Извѣстій отдѣла Географическаго общества, а въ Самаркандѣ онъ проявилъ особенное живое участіе въ организаціи изданій областного статистическаго комитета, въ которыя вносилъ много личнаго участія.

Въ Самаркандѣ графъ Ростовцовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ 1891 году. Самаркандская область (бывшій Зерав-

*) Графъ Николай Яковлевичъ съ особеннымъ удовольствіемъ выслушалъ отъ пишущаго эти строки воспоминаніе великаго писателя и пересланный ему черезъ меня изъ Ясной Поляны поклонъ и тутъ же вспомнилъ сохранившіяся у него въ памяти нѣкоторыя подробности изъ встрѣчъ съ графомъ Толстымъ въ одну изъ его пѣздокъ за границу, послѣ которой они уже ни разу не встрѣчались.

шанскій округъ) уже насчитывала болѣе 20 лѣтъ существованія. У графа было два выдающихся предшественника, такія громкія имена въ исторіи Русскаго Туркестана, какъ покойный генераль Абрамовъ и генераль Ивановъ. На долю этихъ крупныхъ двухъ дѣятелей выпала устроительная дѣятельность по насажденію въ краѣ русскаго элемента, гражданственности, устройства и организаціи городовъ и въ особенности Самарканда. Графу Ростовцову пришлось развить, упрочить и одухотворить эту дѣятельность. Графъ Ростовцовъ умѣлъ не только высоко цѣнить дѣятельность своихъ предшественниковъ, но и всемѣрно поддержалъ данное ими направленіе, развивая, упрочивая и одухотворяя эту дѣятельность.

Въ Самаркандѣ незадолго до пріѣзда графа учреждаются первыя двѣ частныя типографіи и первый частный органъ въ краѣ—газета «Окраина».

Графъ поддерживалъ эти начинанія. Намъ не разъ случалось слышать, насколько сочувственно графъ относился къ печати вообще и къ «Окраинѣ» въ особенности. Онъ видѣлъ въ печати полезную силу и всегда желалъ возможно широкой гласности (черта, точно унаследованная отъ отца), въ интересахъ общества и администраціи. Когда въ «Окраинѣ» появлялась обличительная корреспонденція, графъ, улыбаясь, говорилъ: «такъ имъ и надо! Теперь мнѣ легко будетъ знать, гдѣ и что дѣлается и какъ вовремя прійти на помощь». Онъ и самъ порывался писать въ столичныя газеты по разнымъ мѣстнымъ экономическимъ вопросамъ, но служебное положеніе останавливало эти благородныя порывы.

Первымъ серіознымъ дѣломъ графа въ области была первая перепись населенія въ русско-й части Самарканда, при чемъ для упорядоченія города онъ первый ввелъ передъ переписью нумерацію домовъ, для каждой улицы отдѣльную, съ четными номерами по одной и нечетными по другой сторонѣ, принятую только въ нашихъ столицахъ и на Западѣ. Съ 1893 года начинается серія очень полезныхъ, обратившихъ вниманіе въ краѣ, изданій Самаркандскаго областного статистическаго комитета, ежегодныхъ справочныхъ книжекъ, календарей, словарей сартовскаго языка, (трудъ Н. М. Вирскаго о виноградарствѣ въ области, трудъ В. П. Наливкина и др.), всего около 15 номеровъ.

Каждая новая справочная книжка Самаркандской области статистическаго комитета выдвигала массу новыхъ вопросовъ. Въ нихъ (книжкахъ) съ достаточной полнотою отдавался отчетъ о ходѣ работъ по области, помещались матеріалы работъ поземельно-податной комиссіи.

Задачей комисіи, организованной въ 1892 году, было измѣрить культурныя земли въ области, подробно изучить производительныя силы и опредѣлить податную способность землевладѣльцевъ. Этимъ дѣломъ графъ живо интересовался, можно сказать двигатель его, направляя комисію къ болѣе дѣятельной работѣ. Онъ слѣдилъ за ходомъ этого важнаго дѣла не только по докладамъ помощника губернатора, но и по представляемымъ ему камеральнымъ работамъ комиссаровъ и землемѣровъ. Ежегодно по окончаніи членами комисіи полевыхъ работъ, онъ производилъ генеральный осмотръ плановъ, внимательно разсматривалъ и при этомъ черѣдко поражалъ даже опытныхъ техниковъ своими дѣловыми замѣчаніями, которыя и направляли это дѣло къ лучшему.

Для изученія края графъ умѣлъ привлечь мѣстныя и пріѣзжія интеллигентныя силы. Такимъ образомъ въ его управленіе областью были сдѣланы основательныя попытки къ изученію въ области проказы, пени, маляріи, болѣзней зоба, ришты и другихъ мѣстныхъ болѣзней.

Для малярійныхъ больныхъ была устроена въ 40 верстахъ отъ Самарканда въ Кара-Тюбинской горной долинѣ санитарная и климатическая станція. По его инициативѣ было изслѣдовано въ терапевтическомъ отношеніи грязелечебное озеро Тузь-канъ въ Джизакскомъ уѣздѣ. Намъ извѣстно, что онъ изыскивалъ мѣры къ устройству въ этомъ, ежегодно посѣщаемомъ сотнями страждущаго народа, озерѣ пріюта, который бы давалъ возможность съ большими удобствами пользоваться больнымъ—туземцамъ и русскимъ—грязелеченіемъ. Предполагалось выстроить караванъ-сарай на двѣ половины, одну для туземцевъ, другую для европейцевъ; устроить правильное водоснабженіе, сдѣлать древесныя посадки, назначить прислугу и на время лечебнаго сезона медицинскій персоналъ. Этимъ высокогуманнымъ стремленіямъ графа не удалось, къ сожалѣнію, осуществиться при жизни его, вѣлѣдствіе того формализма и канцелярской волокиты, которыхъ графъ страшно не любилъ и, по возможности, избѣгалъ. Въ послѣднее время вопросъ объ устройствѣ на озерѣ Тузь-канѣ помѣщенія для больныхъ вновь выдвинуть на свѣтъ.

Графу принадлежитъ инициатива по изслѣдованію питьевого водъ Самарканда. Были посланы пробы воды изъ цистерны, колодезь, арыковъ и рѣкъ въ Ташкентскую химическую лабораторію для изслѣдованія года три тому назадъ, но, по независящимъ отъ графа причинамъ, и до сихъ поръ никому не извѣстны результаты анализовъ, если таковыя были произведены!...

Относясь сердечно къ народной бѣдности, графъ первый обратилъ вниманіе на существующіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области пріюты для нищихъ, при мечетяхъ и другихъ общественныхъ туземныхъ

учрежденіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Токія». Съ задачами послѣднихъ онъ ознакомился подробно и намѣренъ былъ дать этимъ скромнымъ пріютамъ возможно широкое развитіе и распространеніе въ краѣ, призывая мѣстное населеніе къ болѣе дѣятельному участию въ этомъ дѣлѣ.

Ирригаціоннымъ дѣломъ графъ Н. Я. Ростовцовъ въ особенности интересовался, отдавая ему первенствующее значеніе въ ряду другихъ административно-хозяйственныхъ задачъ. Въ правильномъ устройствѣ этого дѣла онъ видѣлъ главный факторъ народнаго благосостоянія и потому - то направлялъ дѣятельность администраціи къ возможно справедливому распредѣленію водъ между сельскими обществами и входящими въ нихъ единицами. Прекращеніе издавна практиковавшихся злоупотребленій по захвату общественной воды мѣрскими кулаками и туземцами, властью имущими, что составляло еще со временъ бухарскаго владычества въ краѣ истинное зло, обогащавшее сильныхъ на счетъ слабыхъ общественныхъ единицъ, а продажа воды мирабами, завѣдующими распредѣленіемъ водъ, составляла обычное явленіе, какъ бы получившее права гражданства, и потому, главнымъ образомъ, что за свой трудъ мирабы не получали никаго вознагражденія отъ своихъ обществъ. Но если легко было справиться съ упорядоченіемъ состава мирабовъ и арыкъ-аксакаловъ, путемъ призыва на эту отвѣтственную службу порядочныхъ людей, съ назначеніемъ имъ приличнаго вознагражденія, то гораздо труднѣе было бороться съ мироѣдами, у которыхъ большинство однообщественниковъ, какъ и повсюду, находится въ экономической зависимости. Пользуясь своимъ положеніемъ, мироѣды-земледѣльцы занимались культурой главнымъ образомъ риса, который даетъ наибольшую доходность, но и требуетъ наибольшее количество поливной воды. Во времена бухарскаго владычества право воздѣлывать рисъ давалось, какъ особая привиллегія, немногимъ приближеннымъ эмира или бека. Возьмемъ Самаркандскій вилайетъ, а нынѣ уѣздъ. Въ немъ въ тѣ времена площадь подъ рисомъ не превосходила болѣе 40.000 тысячъ танановъ (10.000 десят.), съ водвореніемъ же русскихъ, культурой его стали заниматься кто хотѣлъ, главное же кто сильнѣе былъ экономически, такъ какъ воздѣлываніе риса не всякому мелкому землевладѣльцу по плечу — и съ тѣхъ поръ въ теченіе какихъ-нибудь 20—25 лѣтъ распространеніе культуры риса шло быстро и безпрепятственно на счетъ другихъ хлѣбныхъ культуръ, вслѣдствіе чего площадь подъ нимъ къ 1891 году увеличилась на 254%. Въ первые 10 лѣтъ по занятіи русскими долины р. Зеравшана оставлена была въ силѣ бухарская податная система, при чемъ обложеніе земель было понижено на половину: вмѣсто $\frac{1}{5}$ части натурой съ валоваго сбора того

или другого продукта стали брать $\frac{1}{10}$ часть, какъ соотвѣтствующую опредѣленіямъ шаріата и древней десятины; затѣмъ практика показала, что при такой системѣ, требовавшей аптекарскаго учета сбора продуктовъ у каждаго хозяина, между тѣмъ лица туземной администраціи были всегда дурными аптекарями, обиравшими и ту и другую сторону, то пришлось установить соотвѣтственно взимающейся суммѣ налога — постоянный налогъ на общество, безотносительно къ измѣненіямъ въ полевой культурѣ, урожаю къ продуктамъ и цѣнамъ на нихъ. Понятно, что при такомъ налогѣ, при его распредѣленіи по отдѣльнымъ хозяйствамъ, надавшемъ не на дѣйствительный урожай и ту или иную доходность земли, а на мѣру земли — танапъ, чѣмъ бы онъ не засѣвался, всякій хозяинъ стремился воздѣлывать тотъ продуктъ, который бы давалъ наибольшій доходъ, а таковымъ до развитія съ 1890 года культуры хлопка былъ рисъ. Но такъ какъ эта культура была, какъ сказано выше, не всякому по плечу, то ею стали заниматься только наиболѣе зажиточные хозяева, при чемъ естественнымъ расширеніемъ культуры риса, требующаго въ сотни разъ болѣе воды, чѣмъ другіе посѣвы, было то, что съ развитіемъ рисоводства въ верхнихъ частяхъ ирригаціонныхъ каналовъ земледѣльцы нижнихъ частей каналовъ стали получать все меньше и меньше воды, поля засыхали и ихъ, наконецъ, покидали. Такимъ образомъ убито было земледѣліе въ большей части сѣверо-западныхъ окраинныхъ волостяхъ Самаркандскаго уѣзда, гдѣ громадныя площади земель (напр., въ Полванъ-арыкской и Дюрткульской волостяхъ) сохранили и до нынѣ еще свѣжіе слѣды интенсивной поливной культуры, постепенно замирали и населеніе съ нихъ ушло въ другія мѣста. Что тутъ было дѣлать, какія мѣры принять противъ укоренившагося зла, противъ очевиднаго захвата воды сильными у слабыхъ? Какъ повернуть дѣло, чтобы вода распредѣлялась равномерно и умершія поля вызвать къ новой жизни, когда Положеніе объ Управленіи Туркестанскимъ краемъ санкціонировало водопользованіе по обычаю, который не будучи опредѣленъ нами, во всякій данный моментъ могъ измѣняться такъ или иначе, смотря кому было на руку такое примѣненіе. Весь экономическій интересъ русской администраціи сосредоточивается исключительно на успѣшномъ сборѣ государственныхъ налоговъ въ назначенный срокъ, всѣ же другіе вопросы внутренней экономической жизни туземнаго населенія предоставлены были рѣшенію самихъ туземцевъ по обычаю. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ требовалось не мало размыслить надъ даннымъ вопросомъ и графу Ростовцову первому удалось рѣшить вопросъ удачно: онъ издалъ обязательное постановленіе по области о сокращеніи посѣвовъ риса, начиная съ 1892 года, при чемъ особо назначенной для этого

комиссией) определены были нижеслѣдующія мѣстности, въ которыхъ слѣдовало бы уменьшить посѣвы его: 1) самыя низкія, заболоченныя; 2) тѣ, которыя, лежа въ головахъ дарыковъ, обездоливаютъ водою ниже лежація мѣстности; 3) завѣдомо вредныя для здоровья и 4) тѣ, въ которыхъ рисъ родится плохого качества.

Озабочиваясь принятіемъ мѣръ къ оздоровленію области, въ которой лихорадка и другія болѣзни, въ послѣдніе годы особенно, уносили страшную массу человѣческихъ жертвъ, графъ обратилъ особенное вниманіе на сокращеніе посѣвовъ риса въ ближайшихъ окрестностяхъ городовъ и въ особенности Самарканда. Графъ рѣшилъ замѣнить въ области культуру болотнаго риса культурой китайско-суходольнаго. Съ этой цѣлью онъ, не жалѣя собственныхъ средствъ, выписалъ сѣмена китайскаго риса, заарендовалъ у одного изъ сартовъ нѣсколько танаповъ земли и сдѣлалъ опытные посѣвы риса. Къ сожалѣнію, графу не пришлось дождаться результатовъ, а за смертью его опытамъ этимъ не дано дальнѣйшаго примѣненія.

Насколько жизненны и своевременны были эти мѣры въ области видно изъ того, что сейчасъ на Кавказѣ для оздоровленія мѣстности приняты тоже мѣры къ сокращенію рисовыхъ посѣвовъ и къ замѣнѣ болотнаго риса суходольнымъ.

Графомъ поднята и разработана масса другихъ экономическихъ вопросовъ, въ ряду которыхъ первое мѣсто принадлежитъ вопросу о туземной монетѣ.

Вопросъ этотъ былъ поставленъ ребромъ. Масса больныхъ явленій въ экономической жизни населенія находилось тогда въ тѣсной связи съ обращеніемъ туземной монеты въ народѣ.

1 октября 1893 года введено было въ дѣйствіе положеніе о запрещеніи ввоза теньги въ предѣлы Туркестанскаго края. Когда были подведены итоги мѣрамъ, принятымъ для выполненія этого распоряженія и результатамъ, достигнутымъ этими мѣрами, пришлось убѣдиться, что таможенное вѣдомство, на которое было возложено наблюденіе за ввозомъ теньги, въ небольшомъ своемъ составѣ, при существованіи тысячи горныхъ тропинокъ, прекрасно извѣстныхъ только туземцамъ, при трудно опредѣлимыхъ границахъ и неумовности сношеній одноплеменнаго населенія сопредѣльныхъ странъ, при отсутствіи точныхъ инструкцій, указывавшихъ бы, напр., что дѣлать съ конфискованной теньгой, при всѣхъ этихъ условіяхъ таможенное вѣдомство не могло справиться съ возложеннымъ на него дѣломъ, и мѣры эти не только не принесли желательныхъ результатовъ, но, наоборотъ, привели къ нѣкоторымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ, такъ, напр., по причинѣ запрещенія ввоза теньги, сократились дѣла съ русской мануфактурой,

находившей себѣ прежде большой сбытъ въ ближайшія къ Самарканду Бухарскія владѣнія. А главное, со включеніемъ Бухарскихъ владѣній въ черту русскаго таможеннаго надзора, фактическій надзоръ за ввозомъ теньги прекратился, что должно было опять выдвинуть на горизонтъ «теньговый» вопросъ.

Если надо было искать причинъ такого сильнаго наплыва теньги, то ихъ не трудно было найти въ серебряномъ кризисѣ, охватившемъ міровой рынокъ въ 1893 г. и въ несомнѣнной выгодѣ чеканки серебряной теньги для Бухарскаго правительства. Насколько была выгодна чеканка теньги, можно было усмотрѣть изъ слѣдующаго разсчета, приведеннаго въ «Справочной книжкѣ Самаркандской области»:

Изъ ямбы (ямба 4 ф. 49 зол.) серебра чеканится на бухарскомъ монетномъ дворѣ 576 тенегъ, при чемъ изъ нихъ монетнымъ дворомъ отчисляется: 4 теньги въ счетъ утраты металла при плавкѣ и чеканкѣ, 6 тенегъ въ пользу правительства, присоединяя сюда уплачиваемый правительству туземными купцами зякетъ—ввозную пошлину въ 13 тенегъ съ ямбы, окажется, что владѣлецъ серебра получаетъ съ каждой ямбы всего только 543 теньги. Въ 1893 году Бухарское правительство перечекало 260.000 ф. серебра, на общую сумму 6.000.000 рублей, причемъ одного зякета получило 208.000 рублей. Вотъ почему правительство эмира сильно покровительствовало ввозу серебра и широко раскрыло свой монетный дворъ для перечеканки его въ теньгу. Широкое участіе въ этой биржевой игрѣ, какъ отмѣчено было въ свое время въ мѣстной печати, принялъ Московскій международный банкъ, черезъ который главнымъ образомъ шли закупки серебра въ Москвѣ.

Такое положеніе дѣла не могло не обратить на себя вниманіе графа Ростовцова и политическаго агентства въ Бухарѣ. Предлагались различные проекты, клонившіеся главнымъ образомъ къ фиксированію цѣнности теньги. Одной изъ этихъ мѣръ, выработанной въ Бухарѣ, предполагалось перечеканить теньгу въ русскіе двугривенные, съ русскимъ орломъ на одной сторонѣ и мусульманской надписью на другой. Но проектъ этотъ не пошелъ дальше кабинетныхъ предположеній.

Въ 1894 году въ судьбѣ нашего купечества приняли живое участіе московскіе мануфактуристы, вызвавшіеся хлопотать передъ министромъ финансовъ за своихъ кліентовъ, для каковой цѣли среди самаркандскаго и бухарскаго купечества составлена была на имя министра финансовъ петиція, покрытая многочисленными подписями.

Постоянныя курсовыя колебанія теньги, понижавшейся не разъ въ цѣнѣ до 30%, сдѣлали торговыя сношенія Москвы съ Бухарой и самаркандскимъ купечествомъ крайне шаткимъ и непрочнымъ при всей солидарности туземныхъ купцовъ и большой ихъ кредитоспособности.

Цѣны на предметы вывоза, каракуль, шерсть, хлопокъ, рисъ, кишмишь и пр. подвергались весьма частымъ колебаніямъ. Такое положеніе вещей пошатнуло тогда не одну фирму и угрожало еще многимъ. Непрочность курса теньги заставила многія русскія фирмы, торгующія русской мануфактурой и получающія отъ туземцевъ въ расплату теньгу, искать мѣста для сбыта ея, т. е. заниматься, часто не входящей въ кругъ ихъ дѣятельности, скучкой сырья.

Въ виду всего этого администрація, мѣстные органы министерства финансовъ, русское и туземное купечество порѣшили разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ и принять такія мѣры, которыя излечили бы зло въ корнѣ.

Послѣ многихъ совѣщаній пришли къ слѣдующимъ результатамъ: хлопотать передъ министромъ финансовъ о воздѣйствіи на бухарское правительство въ томъ смыслѣ, чтобы оно, взаменъ обращающейся теньги, выпустило бы мелкую размѣнную монету, соотвѣтствующую русской, которая, для упроченія своей нарицательной стоимости, имѣла бы во всякое время безпрепятственный размѣнъ у бухарскаго правительства на русскіе кредитные билеты; каковую операцію, за счетъ эмира бухарскаго, предполагалось возложить на бухарское и самаркандское отдѣленія Государственнаго банка, оперирующіе въ районѣ обращенія бухарской теньги, при чемъ предполагалось, что обращающаяся тогда теньга могла бы быть съ пользою изъята бухарскимъ правительствомъ для нуждъ заграничной торговли.

Отъ колебанія теньги страдали не одни только торговые интересы Самаркандскаго населенія, еще больше терпѣло населеніе кишлачное, которое, получая за продукты земледѣлія теньгу по номинальной стоимости, для взноса въ казенные платежи, должно мѣнять теньгу на кредитные знаки и терять очень много.

Графъ много и серіозно поработалъ для устраненія вредныхъ послѣдствій этого дуализма въ монетной системѣ и если не многого достигъ, то главнымъ образомъ потому, что «теньговый» вопросъ — вопросъ международной политики.

Графъ заботился объ организаціи въ нашемъ городѣ дешеваго и общедоступнаго кредита, въ особенности ипотечнаго, въ которомъ такъ нуждалась домовладѣльцы города Самарканда. Ближащееся теперь къ осуществленію открытіе отдѣленій русскихъ земельных банковъ въ Туркестанскомъ краѣ завязалось еще при жизни графа. Первый изъ земельных банковъ обратился за разрѣшеніемъ — Нижегородско-Самарскій.

Желая развити огородничество и садоводство въ пригородныхъ кишлакахъ Самарканда, чтобы дать туземному населенію лишній источ-

никъ дохода, а русскому населенію получать лучшаго качества огородныя овощи, графъ возложилъ на мѣстный статистическій комитетъ выписку изъ Италіи огородныхъ сѣмянъ для раздачи туземцамъ. Мѣра, не замедлившая дать прекрасныя результаты на второй и третій годъ. Теперь уже съ ранней весны сарты поставляютъ по очень дешевымъ цѣнамъ всякую зелень, къ которой такъ привыкъ русскій человѣкъ у себя на родинѣ.

При Н. Я. Ростовцовѣ въ области возникло много новыхъ обществъ и полезныхъ учрежденій: гренажная и пастеровская станціи, хлопковой арбитражный комитетъ, музей, областная типографія, работный домъ, ясли, бесплатная лечебница для приходящихъ и др.; общества: покровительства животнымъ, скаковое, музыкально-драматическое общество (съ уставомъ), общество велосипедистовъ, археологическій кружокъ, гражданское общественное собраніе и др.

Приказчики и сидѣльцы въ лавкахъ получили при графѣ Ростовцовѣ праздничный отдыхъ. Но особенной заботливостью и вниманіемъ пользовался у графа вопросъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ о мужскомъ и женскомъ.

Съ прекращеніемъ газеты «Окраина» въ Самаркандѣ, графъ, придавая особое значеніе мѣстной печати, сталъ особенно заботиться объ изданіи областныхъ вѣдомостей. Для этого прежде всего имъ была открыта казенная типографія, въ которой ощущалась настоятельная необходимость, какъ для печатанія казенныхъ книгъ и бланковъ, такъ и для выпуска изданій Областнаго статистическаго комитета.

Послѣдній и предпоследній годы его жизни отличались особенно живой и разнообразной дѣятельностью, съ которой всего лучше можетъ познакомиться читатель изъ «Лѣтописи Самаркандской Области», которую графъ Н. Я. велъ въ 1896 году, собранной и напечатанной М. Вирскимъ въ «Справочной книжкѣ» за 1897 годъ.

Въ этомъ обнародованномъ послѣ смерти графа документѣ, носившемъ характеръ при жизни его интимности, не упущенъ, кажется, ни одинъ вопросъ текущей административной, экономической и просто обыденной жизни. Занося въ дневникъ свои мысли, графъ какъ бы дѣлалъ изъ нихъ памятку, которую хотѣлъ имѣть передъ глазами при выполненіи программы заботливаго хозяина области.

Въ этомъ живомъ памятникѣ разносторонней дѣятельности графа Н. Я. Ростовцова, какъ въ калейдоскопѣ отражается всеобхватывающій умъ, глубокая и серьезная наблюдательность и строгое отношеніе къ дѣлу.

Въ послѣднее время графа Ростовцова особенно занималъ вопросъ, нынѣ обсуждаемый въ печати, благодаря брошюрѣ г. Стеткевича.

Графъ сознавалъ, что переобролка съ возвышеніемъ окладовъ поземельнаго обложенія на 100% дѣло крайне трудное въ краѣ, но ему казалось, что въ этомъ и не предвидится нужды, такъ какъ при справедливыхъ требованіяхъ ни Европейская Россія не должна платить въ пользу окраины, ни окраина не должна доставлять общему бюджету излишка доходовъ надъ расходами. Для этого окраина еще слишкомъ молода, край новый и граждански неустроенный, хотя относительно можетъ быть и богатый. И вотъ графа въ высшей степени интересовалъ вопросъ о подсчетѣ расходовъ и доходовъ края, не только по даннымъ кассовой отчетности Туркестанской казенной палаты, но и по существу поступленій, вызванныхъ присоединеніемъ Туркестана и расходовъ, произведенныхъ во все время съ завоеванія Ташкента.

По даннымъ кассовыхъ поступленій Туркестана избытокъ расходовъ надъ доходами выражается, какъ извѣстно, въ 132 милліона. Но, какъ и г. Стеткевичъ, графъ думалъ, что прежде всего должна быть исключена изъ этой суммы цифра расхода на войска, необходимость которыхъ вызывается не завоеваніемъ края, а которыя находятся здѣсь на южной границѣ государства. Эту цифру, однако, графъ опредѣлялъ лишь въ половину существующихъ гарнизоновъ, а не отпуская всѣ войска за счетъ охраны внѣшней границы. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ дефицитъ для нынѣшняго времени въ два милліона рублей (10 милліоновъ расходовъ на 8 милліоновъ доходовъ) съ избыткомъ покрывается поступлениями косвенныхъ налоговъ внутри имперіи за продукты, потребляемые въ краѣ, чего г. Стеткевичъ не принимаетъ въ соображеніе. Такъ спиртъ, водка, пиво и спички, ввозимые въ краѣ, частью оплачены уже акцизомъ внутри имперіи. Сахаръ, ввозимый въ количествѣ около 400.000 пудовъ, даетъ цифру акциза около 700.000 рублей (по 1 р. 75 к.). Чай, напр., за 1898 годъ далъ по Бакинской таможи 1.200.000 рублей. Оперирующія въ Туркестанскомъ краѣ четыре отдѣленія Государственнаго банка приносятъ чистой прибыли свыше 100.000 рублей и проч.

Не выходя изъ размѣровъ журнальной статьи, мнѣ бы хотѣлось обратить особенное вниманіе читателя на духовную сторону дѣятельности графа Николая Яковлевича, на его обаятельную личность и вліяніе на подчиненныхъ.

Уже съ 8 часовъ утра пріемная графа была открыта для посѣтителей. Ласковость, привѣтливость и доступность графа позволяли при первой встрѣчѣ съ нимъ забывать о безсмертномъ типѣ щедринскихъ помпадуровъ. Люди всѣхъ положеній и состояній всегда уходили отъ него умиrotворенные и удовлетворенные. Всѣхъ посѣщавшихъ его послѣ первыхъ словъ бесѣды поражала удивительная, всесторонняя образован-

ность этого человека. Это былъ рѣдкій въ нашъ вѣкъ энциклопедически образованный человекъ. Ему все было доступно, ничто не чуждо. Графъ прекрасно владѣлъ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками. Посмотрите на письменный столъ въ его кабинетѣ, заваленный горами книгъ, картъ, портретовъ; русскіе, французскіе и англійскіе журналы. Здѣсь «Вѣстникъ Европы» рядомъ съ книжками «Недѣли», *Revue de deux Mondes*, *The Review of Reviews*, *Revue scientifique*. Богатый отдѣлъ Asiatica и новѣйшая литература по гомеопатіи. Его въ одно и тоже время одинаково увлекала остроумная библиографическая децимальная система Шарля Рише, которую онъ тутъ же предлагалъ своему секретарю примѣнить при составленіи каталога въ библіотекѣ статистическаго комитета и послѣднее слово науки по пригаціи.

Не смотря на преклонные годы, покойнаго никогда не покидало чисто юношеское стремленіе къ самосовершенствованію. Такъ, напр., онъ былъ очень недоволенъ своимъ почеркомъ. Почеркъ у графа былъ мелкій, кривой и нечеткій. Въ «Недѣлѣ» онъ вычиталъ новые приемы въ методикѣ письма, по которой перо слѣдуетъ держать между вторымъ и среднимъ пальцемъ. Тогда почеркъ получается прямой, круглый. Листъ бумаги кладется перпендикулярно къ груди пишущаго; не требуется наклоненнаго положенія туловища. И вотъ часто знакомые заставляли покойнаго, какъ онъ испытывалъ этотъ новый методъ письма и очень доволенъ былъ успѣхами, при этомъ спрашивалъ, дѣйствительно-ли почеркъ его сталъ четче.

Графъ велъ ежедневно дневникъ. Въ этой привычкѣ онъ былъ такъ аккуратенъ, что гдѣ бы онъ ни находился, въ вагонѣ ли желѣзной дороги, на почтовыхъ или въ верховой экспедиціи, онъ обязательно вечеромъ записывалъ въ свои тетради дневника пережитыя впечатлѣнія дня.

Русскіе и западно-европейскіе путешественники, усталые и утомленные длиннымъ переѣздомъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ, по приѣздѣ въ Самаркандъ, первымъ дѣломъ стремились поклониться популярнѣйшему администратору въ краѣ — графу Ростовцову и всѣ уходили отъ него очарованные обходительностью графа.

Прочтите путевыя записки любого изъ нихъ и вы навѣрное на первыхъ же страницахъ, посвященныхъ Самарканду, встрѣтитесь съ воспоминаніями о графѣ Ростовцовѣ.

«Графъ принялъ меня любезно (пишетъ Д. Л. Мордовцовъ: «Въ гостяхъ у Тамерлана» *Новости*, № 295—1896 года), обязательно предложилъ свое содѣйствіе, если я въ чемъ буду нуждаться и т. п. Я былъ вполне очарованъ его обхожденіемъ, и хотя наша бесѣда продолжалась недолго, однако я вынесъ изъ этого короткаго свиданія полное

подтвержденіе тѣхъ отзывовъ о выдающихся качествахъ графа, какъ рѣдко симпатичнаго человѣка и замѣчательнаго администратора, съ обширнымъ умомъ государственнаго дѣятеля—отзывовъ, которые мнѣ пришлось слышать во время моего пребыванія въ Самаркандѣ и по пути въ этотъ въ высшей степени интересный край».

Всѣмъ извѣстна его гуманность по отношенію къ туземцамъ. Она дала ощутительные результаты, создала ему уваженіе и подняла престижъ его имени. Когда надо было, графъ умѣлъ быть грознымъ и строгимъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ именитаго и богатаго туземца (нынѣ умершаго) Урумбаева, почтенныхъ лѣтъ старика, пользовавшагося большимъ подавляющимъ вліяніемъ среди туземцевъ. Графу доложили, что наканунѣ, въ засѣданіи хлопковаго арбитражнаго комитета, Урумбаевъ черезчуръ усердно ратовалъ противъ выбора въ комитетъ бухарскихъ и русскихъ евреевъ, стараясь повліять на туземцевъ своимъ авторитетомъ. Графъ, человѣкъ гуманный, натурѣ котораго чужды были всякіе расовые предразсудки и антагонизмъ, возмущенъ грубымъ поведеніемъ Урумбаева, призвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ ему серьезное внушеніе черезъ переводчика. Строгую нотацию графъ закончилъ грознымъ «кэть» (прочь). Туземецъ покорно удалился и на другой день отправился въ дальнее путешествіе, на поклоненіе праху Пророка, въ Мекку и Медину, и оттуда вернулся тише воды и ниже травы.

Когда бухарскіе евреи, которыхъ въ Самаркандѣ нѣсколько тысячъ, обратились къ графу съ ходатайствомъ о допущеніи дѣтей ихъ, наравнѣ съ другими туземцами, въ русско-туземныя училища, то графъ очень энергично предстательствовалъ за нихъ передъ главнымъ начальникомъ края, указывая въ своихъ докладахъ крайнюю несправедливость примѣнять къ туземнымъ евреямъ тѣ мѣры ограниченія, какія примѣняются къ русскимъ евреямъ. Бухарскіе евреи, по мнѣнію графа, заслуживаютъ особаго поощренія; они здѣсь не исключительно занимаютъ ростовщичествомъ, во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ меньше сартовъ. Въ нашемъ краѣ они оказались самымъ приверженнымъ и преданнымъ намъ элементомъ, и эта преданность должна бы встрѣтить всякое поощреніе, а тѣмъ болѣе въ такомъ искреннемъ стремленіи, какое выражаютъ бухарскіе евреи, въ желаніи познакомить подроставшее поколѣніе съ русской грамотой, которая такъ нужна имъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими. Въ русско-туземныя школы, только пусть будетъ имъ разрѣшено, они будутъ десятками посылать своихъ дѣтей, а не наемныхъ, какъ это еще сплошь практикуется со многими фанатиками туземцами изъ власть имѣющихъ. И въ настоящее время, когда бухарскимъ евреямъ закрытъ доступъ въ русско-

туземныя училища, % русской грамотности въ ихъ средѣ значительно больше, чѣмъ среди сартовъ.

Два раза приходилось гр. Ростовцову исполнять обязанности генераль-губернатора въ Ташкентѣ. Съ перваго посѣщенія учебныхъ заведеній графъ сразу завоевалъ себѣ всеобщую симпатію въ городѣ. Хроника «Туркестанскихъ Вѣдомостей» того времени полна описаній восторженныхъ встрѣчъ и пріемовъ, устроенныхъ графу въ городскихъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Вездѣ, и въ средѣ туземнаго населенія, въ войскѣ и среди учащейся молодежи графъ въ нѣсколько только мѣсяцевъ снискалъ огромную популярность.

Если графъ Николай Яковлевичъ и не обладалъ особеннымъ краснорѣчіемъ, зато онъ въ высокой степени обладалъ способностью сказать нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ, дѣльныхъ, умныхъ, всегда глубоко западавшихъ въ душу слушающихъ, умѣлъ при случаѣ и воодушевить. Тихо и плавно лилась рѣчь изъ устъ красиваго старика, на губахъ его всегда широкая пріятная улыбка, съ легкимъ отбѣнкомъ ироніи. Въ сравненіи съ могучимъ ростомъ и широкой грудью, голосъ его казался слишкомъ слабымъ. Графъ обладалъ высокимъ тактомъ вести собраніе, умѣлъ вызвать обмѣнъ мыслей, внимательно и терпѣливо выслушивалъ мнѣніе каждаго. А, главное, вы сразу чувствовали передъ собой личность недюжинную, головой отдѣляющуюся изъ толпы, импонирующую своимъ правственнымъ авторитетомъ. Терпѣніе и снисходительность въ выслушиваніи чужихъ мнѣній у графа не имѣли границъ. Мнѣ пришлось разъ присутствовать на докладѣ одного почтеннаго офицера, читанномъ въ военномъ собраніи. Докладчикъ страшно злоупотреблялъ правомъ лектора. Прошелъ часъ, два, а лекторъ все продолжалъ рассказывать свои безконечныя впечатлѣнія отъ горныхъ поѣздокъ, страшно скучныя, безсодержательныя, усыпанныя безъ конца выраженіями восторга, удивленія, неудомѣнія, немного досталось здѣсь и администраціи. Лекція началась въ 8 ч. в. и только въ 10½ ч. сдѣланъ перерывъ. Давно уже почти всѣ покинули залу, а графъ остался, досидѣвъ до конца доклада; лекторъ прочелъ всѣ свои безконечныя дневники, замѣтки и кончилъ свой докладъ далеко за полночь.

Вотъ какія воспоминанія сохранилъ о немъ редакторъ «Переводчика» г. Гаспринскій:

«Въ 1893 году, будучи въ Самаркандѣ, я могъ лично удостовѣриться, что туземцы боялись графа, но еще болѣе любили и уважали его. Боялись потому, что знали, что онъ представитель блага Царя и его великой имперіи; любили потому, что этотъ представитель былъ гуманенъ, снисходителенъ и строго правдивъ. Покойный Николай Яковлевичъ—миръ праху его—вовсе не считалъ нужнымъ казаться гро-

зой вѣками забитому, уничтоженному восточному люду; напротивъ, весь режимъ его клонился къ тому, чтобы пріободрить народъ культурнымъ управленіемъ, стремясь отучить его бояться лишь нагайки и палки, разгуливавшихъ по Средней Азійи многіе вѣка. И онъ успѣлъ доказать туземцу, что русское «нельзя» и «можно» не нуждаются въ бекскихъ атрибутахъ. «Сартишка» понималъ, что «графъ-губуръ» силенъ и могучъ, но чувствовалъ, что эта сила чтить въ немъ человека и за это глубоко любилъ его. Если позабудетъ, то не скоро Самаркандская область прекрасный обликъ Николая Яковлевича».

«Да утѣшить Аллахъ его близкихъ и многочисленныхъ друзей въ постигшемъ ихъ горѣ».

Въ «Сибирскомъ календарѣ» напечатанъ портретъ и краткая біографія графа Н. Я. Ростовцова, заканчивающаяся слѣдующими словами:

«Обширна и плодотворна была дѣятельность графа Н. Я. Отдаваясь дѣлу всею своею душой, онъ умѣлъ вдохновлять и своихъ сотрудниковъ. При немъ въ Самаркандѣ былъ устроенъ областной музей, по исторіи и археологіи области; при немъ появились высокоцѣнные труды Статистическаго комитета. Графъ зналъ превосходно свою область и не только изучалъ, но и входилъ во всѣ нужды ея населенія, заботясь какъ о просвѣщеніи его, такъ и о матеріальномъ благосостояніи. Между прочимъ онъ ввелъ среди населенія области культуру суходольнаго риса, вмѣсто болотнаго, что, въ виду примѣненія въ краѣ искусственнаго орошенія, давало массу выгодъ, такъ какъ суходольный рисъ не требуетъ для произрастанія много воды. Поэтому явилась возможность культивировать мало орошаемые пространства. Время губернаторства Н. Я. будетъ внесено въ лѣтопись Самаркандской области золотыми буквами».

«Усопшій графъ Н. Я. былъ человекомъ съ возвышенной душой и просвѣщеннымъ умомъ. Утрата такихъ дѣятелей ложится тяжелымъ камнемъ на сердца, трудно вознаградима и долго оплакивается всѣми, кому дороги благородные люди и высокополезные и вѣрные слуги отечества».

На этомъ я заканчиваю свой трудъ о графѣ Н. Я. Ростовцовѣ и буду считать задачу свою выполненною, если этой скромной работой вызову среди немалочисленныхъ поклонниковъ покойнаго желаніе подѣлиться своими воспоминаціями въ печати, пока не найдетъ кто-либо, кому по плечу будетъ составить его полную біографію.

г. Самаркандъ.

31 марта 1899 года.

Ю. О. Якубовскій.